

Оствальд Вильгельм Фридрих

Великие люди

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В46

В46 **Вильгельм Фридрих О.**
Великие люди / Оствальд Вильгельм Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2024. – 449 с.

ISBN 978-5-521-26702-6

ISBN 978-5-521-26702-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сывають это явленіе въ слѣдующихъ нѣтъкихъ словахъ (стр. 185): «Если мы внимлемъ въ то, что приходится изъ дня въ день быть въ курей нѣсколькихъ дюжинъ научныхъ работъ молодыхъ людей, считающихъ за нѣчто, само собой разумѣющееся, что профессору совершенно точно извѣстно, гдѣ они въ данный моментъ находятся, то мы поймемъ, какое истощеніе должно повлечь за собою это повседневное напряженіе умственного глаза на постоянно мѣняющихся областяхъ. Для того, чтобы добросовѣстно отвѣчать на вопросы, они требуютъ столь глубокаго проникновенія въ сущность работъ, что творческія способности, пріобрѣтенныя человекомъ познана другихъ и потому наиболее легко исчерпывающіяся у каждаго отдѣльнаго человека, подвергаются весьма сильному напряженію».

Когда Оствальдъ самъ испыталъ на себѣ это истощеніе, онъ по рѣшительности своей натуры поступилъ подобно королю Лиру. Увѣровавъ въ прочность построеннаго имъ государства, т. е. института, Оствальдъ ушелъ изъ него. Можно было бы ожидать, что вмѣсто прежней дѣятельности ему предложена будетъ почетная профессура, но этого не случилось. Корпорации рѣдко бываютъ великодушны. Демось не признаетъ исключеній...

Вернемся, однако, къ занимающей насъ книгѣ. Глубокое пониманіе фязіологической обусловленности названнаго и другихъ столпнй истощенія въ жизни великихъ изслѣдователей служитъ однимъ изъ факеловъ, которыми Оствальдъ освѣщаетъ свои біографическіе очерки. На всемъ лежитъ печать его генія. Не нужно быть особенно смиреннымъ, когда желаютъ описать жизнь такихъ людей, какъ Либихъ или Гельмгольцъ. Что, вообще, большей частью портитъ біографіи, это то, что біографъ рѣдко въ состояніи понять переживанія того, кого онъ описываетъ.

А если онъ и въ состояніи, то часто онъ полагаетъ нужнымъ скрывать свои взгляды. Но тогда трудъ теряетъ всю свою цѣнность. Исторіографъ не долженъ быть панегиристомъ, — онъ долженъ быть циникомъ. Исторія, психологія, медицина — всякая наука, вообще, должна быть безусловно дерзкой и достаточно безстыдной для того, чтобы прежде всего раздѣть догола предметъ своего изслѣдованія. Въ противномъ случаѣ изъ изслѣдованія ничего не выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, затѣмъ мы изучаемъ жизнеописанія? Мы хотимъ узнать, гдѣ спотыкались и великіе люди, какія слабости были и у нихъ, какіе недостатки мѣшали ихъ росту, гдѣ пунеть ихъ

наименьшаго сопротивленія, на которомъ они потерпѣли крушеніе. Сколько человѣкъ можетъ преодолѣть внѣшнихъ и внутреннихъ сопротивленій, чтобы все еще быть въ состояніи совершить великую работу? Къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ перенапряженіе, распутство, раннее ступѣніе вслѣдствіе излишества впечатлѣній, потеря вѣры въ собственныя силы, отсутствіе бодрости и пресыщенность? Т. Муръ полагалъ, что оказываетъ услугу, уничтожая важные документы изъ жизни Байрона? Тайеръ бросилъ недооконченную свою біографію Бетковена потому, что она сдѣлалась для него слишкомъ роковой. Въ этомъ отношеніи достойны похвалы французы, свободный духъ которыхъ не знаетъ преграды и дѣлаетъ ихъ литературу незамѣнимой. «Я далъ себѣ зарокъ смѣть говорить то, что смѣю дѣлать», говоритъ Монтень, «и мнѣ противнѣе всего мысли необнародываемыя; самый скверный изъ моихъ поступковъ, самая скверная изъ моихъ чертъ не кажется мнѣ настолько гадкой, насколько гадкимъ я считаю отсутствіе смѣлости сознаться въ этомъ».

Оствальдъ какъ разъ тотъ человѣкъ, который въ состояніи ба-вировать свои описанія на такой основѣ. Это придаетъ его новой книгѣ особенную цѣнность и поучительность. Я прочиталъ всѣ четыреста страницъ почти въ одинъ присѣсть. Въ книгѣ разбираются жизнь и труды шести химиковъ и физиковъ: Дэви, Роберта Майера, Фарадея, Либиха, Шарля Жерара, Гельмгольца. Какъ глубоко проникаетъ Оствальдъ, какъ поразительно разносторонне его знаніе дѣла, какъ мѣткі его штрихи! Почти на каждой страницѣ встрѣчаешь обороты, которые съумѣетъ оцѣнить человѣкъ со вкусомъ въ остроуміи и стилѣ.

Но не въ этомъ, конечно, значеніе произведенія. Для того, чтобы жизнеописанія приковывали вниманіе, они должны быть освѣщены извѣстными идеями. А ихъ много въ этой книгѣ, онѣ отдѣльно разбираются въ нѣсколькихъ общихъ главахъ, приложенныхъ къ біографическимъ очеркамъ. Онѣ касаются, съ одной стороны, классификаціи умовъ, съ другой стороны, практическихъ вопросовъ: школьнаго вопроса, вопросовъ воспитанія и приврѣнія исключительныхъ натуръ, ихъ юности и старости.

Оствальдъ уже издавна дѣлитъ мыслителей на двѣ категоріи: классиковъ и романтиковъ. Это—превосходное дѣленіе; оно ведетъ гораздо дальше, чѣмъ и—я долженъ въ этомъ сознаться—полагалъ до того, какъ читалъ «Великихъ людей». Можно было бы желать, чтобы Оствальдъ воспользовался другими терминами, а не терми-

нами: «классикъ» и «романтикъ», принимавшими на протяжении долгихъ лѣтъ весьма различные значенія. Многие исследователи обнаруживаютъ въ своихъ работахъ ясно выраженную любовь къ точнымъ формулировкамъ, склонность не выпускать труда до тѣхъ поръ, пока онъ не выльется въ совершенно законченное, некапризное цѣлое. У другихъ эта склонность отсутствуетъ. Первые Оствальдъ называетъ классиками, послѣднихъ—романтиками... Въ действительности рѣчь идетъ о старыхъ темпераментахъ: флегматическомъ и сангвиническомъ съ ихъ крайними формами—меланхолическимъ и холерическимъ темпераментами. Оствальдъ доказываетъ, что противоположность заключается по существу въ быстротѣ умственныхъ процессовъ. Классики медлительны, застѣнчивы, робки и тяжеловѣсны. Романтики быстры, дерзки, ослѣпительны и легкомысленны. Отсюда проистекаетъ склонность классиковъ къ одиночеству, а романтиковъ—къ общительности. Первые уходятъ въ себя, вторые живутъ экспансивно. Къ первымъ примѣнно изреченіе: «Одинокѣ блуждаетъ мудрецъ, подобно носорогу». Романтикъ наоборотъ, представляетъ то, что англичане называютъ «a bright boy». Онъ плыветъ на лодцѣ, блистаетъ въ обществѣ, наноситъ итѣткіе удары въ спорѣ и стремится занять центральное положеніе. Ясно, что превосходныхъ учителей мы находимъ среди романтиковъ, тогда какъ классики оставляютъ глубочайшіе и нестираемые слѣды... Дэви, Либихъ, Оствальдъ—романтики, Робертъ Майеръ, Гельмгольцъ, Гауссъ, вантъ Гоффъ—классики...

Оствальдъ преслѣдуетъ своими очерками и практическія цѣли. Наше знаніе должно быть направлено на практическія цѣли: оно должно вліять на наше будущее. Мы живемъ въ эпоху, которая гораздо сознательнѣе, чѣмъ какая-либо другая, относится къ задачамъ, поставленнымъ передъ человѣчествомъ; настоящее горитъ желаніемъ исполнить эти работы гораздо быстрее и свѣшнѣе изъ общимъ цѣлямъ развитія человѣческой культуры. Мы всѣ для этого призваны; работа, положительная работа—вотъ лозунгъ. Одну изъ сторонъ этой работы представляетъ наука. Она требуетъ и расходуетъ весьма значительную сумму высшей интеллектуальной энергіи, какую долженъ производить народъ, желающій итти впереди другихъ. Настоятельно необходимо, чтобы возможная жатва была собрана безъ потерь и затратъ. Отсюда возникаетъ самая возвышенная задача—подготовить почву для научныхъ талантовъ. Дѣлаемъ ли мы все то, что для этого необходимо? Вотъ вопросъ, выдвигаемый Оствальдомъ. Прежде всего выступаетъ то явленіе, что школы, ко-

тория приходится пройти мальчику для того, чтобы добиться научной карьеры, отнюдь не приспособлены къ психическимъ даннымъ исследователя. Большинство естественныхъ опытныхъ были плохими, часто негодными учениками, все они становились подъ давленіемъ школы...

И Оствальдъ со всей страстностью обращается противъ гуманитарной гимназіи, какъ врага культуры, самымъ жестокимъ образомъ подавляющаго таланты...

Борьба съ древними языками ведется издавна. Монтень еще болѣе, чѣмъ триста лѣтъ, назадъ сказалъ: «Греческій и латинскій языки, несомнѣнно,—прекрасное и большое удовольствіе, но оно покупается слишкомъ дорогой цѣной». Ту же мысль повторилъ Гейне въ своемъ извѣстномъ изреченіи: «Еслибы римляне должны были изучать латынь, то они не имѣли бы времени на то, чтобы завоевать міръ». Этимъ сказано все; древніе языки не окупаются...

Еще важнѣе другая проблема, связанная со школьнымъ вопросомъ. Выдающееся дорваніе большей частью связано съ ранней зрѣлостью. И на это Оствальдъ вообще указываетъ въ своихъ біографическихъ очеркахъ. Но для всѣхъ болѣе или менѣе рано созрѣвающихъ натуръ является страшной пыткой то, что мы заставляемъ ихъ, по-меньшей мѣрѣ, до восемнадцатилѣтняго возраста занимать школьную скамью, тогда какъ часто онѣ достигаютъ умственной зрѣлости къ 15—16 годамъ, когда онѣ могутъ приступить уже къ серьезной самостоятельной работѣ. Съ величайшей завистью мы читаемъ въ старыхъ жизнеописаніяхъ, что до введенія экзамена на аттестатъ зрѣлости возможно было къ 16 годамъ посѣщать уже университетъ и самое позднее къ 20 годамъ получить степень доктора. Раннее развитіе такихъ людей, какъ Лейбницъ, Гете, Александръ фонъ Гумбольдтъ, Либихъ и другіе, прямо таки поразительно. Было бы ли оно возможно, еслибы эти четыре бойкіе мальчика, изъ которыхъ первые трое не посѣщали никакой средней школы, а послѣдній вырвался изъ нея, должны были сидѣть спокойно, пока они къ 18 годамъ не будутъ, наконецъ, допущены къ экзамену зрѣлости! А какъ только мы освободились отъ школъ снова подходитъ государство съ другой стороны и тащитъ насъ въ казарму. Но самые ранніе годы—годы самые драгоценныя, и потерянное время жестоко мститъ за себя, такъ какъ оно никогда не повторяется.

Поэтому, здѣсь было бы весьма важно устранить всякое притѣсненіе и водворить болѣе либеральныя начала. Нужно было бы

обращаться болѣе гуманно съ людьми, получившими «неправильную подготовку»...

Выше затронутыми точками зрѣнія отнюдь не исчерпывается идейное содержаніе «Великихъ Людей» Оствальда. Читатель найдетъ въ нихъ гораздо больше. Это, дѣйствительно, весьма разнообразныя очерки, въ которые каждый долженъ вдуматься ради своего культурнаго интереса, и которымъ слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія и глубокаго вліянія.

Къ первому нѣмецкому изданію.

Настоящіе очерки представляютъ побочный продуктъ моихъ научныхъ работъ, порою становившійся главной работой. Рѣчь идетъ о коренной перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на появленіе выдающихся людей, имѣющихъ громадное вліяніе на развитіе человѣческаго прогресса, особенно науки: къ этому явленію не нужно подходить нерѣшительно, какъ къ неподлежащему контролю дару случая или высшихъ силъ, а, наоборотъ, общество должно узнать все, что требуется отъ него для того, чтобы довести до полного развитія такія высшія цѣнности, возможные въ каждомъ обществѣ. Правда, психофизиологическія предпосылки, необходимыя для того, чтобы изъ мальчика вышелъ великій человѣкъ, не могутъ быть вызваны произвольно, но потенциально великихъ людей рождается больше, чѣмъ достигшихъ фактическаго развитія. Если точнѣе будетъ изучена естественная исторія этой породы людей, то возможно будетъ найти способы устраненія тѣхъ вредныхъ вліяній, изъ-за которыхъ гибнутъ столь многіе возможные геніи. Это относится прежде всего къ нашимъ школамъ, необходимость реформированія которыхъ ясна стала всѣмъ и каждому; здѣсь она получаетъ новое освѣщеніе, и въ то же время намѣчены основныя линіи для улучшенія.

Затрагиваемые въ очеркахъ вопросы касаются самыхъ различныхъ сторонъ жизни великихъ людей, и я счелъ своей обязанностью изложить результаты своихъ изслѣдованій со смѣлостью, не только допускаемой, но и требуемой наукой. Строгая форма изложенія, подобающая спеціальному изслѣдованію, часто нарушалась мною: я выбралъ наиболѣе свободную форму лекцій. Это соотвѣтствуетъ тому обстоятельству, что часть содержанія нижеслѣдующихъ страницъ я дѣйствительно многократно излагалъ устно, причемъ среди слушателей не бывало недостатка ни въ лицахъ, раздѣляющихъ мои взгляды, ни въ лицахъ, ихъ отвергающихъ. Но это соотвѣтствуетъ современному со-

стоянію интересующей насъ области знанія, которой, какъ всѣмъ становящимся наукамъ, предстоитъ еще вылиться въ строго опредѣленную и прочную форму.

Нѣкоторыя изъ приводимыхъ здѣсь біографій (Дэви, Майера, Фарадея) были уже опубликованы, въ незначительно отличающемся видѣ, въ „Анналахъ Натурфилософін“ („Annalen der Naturphilosophie“). Я здѣсь снова привожу ихъ потому, что часто приходится опираться на ихъ содержаніе, и было бы невнимательностью по отношенію къ читателю каждый разъ отсылать его къ названному источнику.

Несмотря на то, что въ настоящей книгѣ біографіямъ удѣлено очень много мѣста, я, все же, чувствую необходимость разобратъ въ томъ же „психографическомъ“ духѣ довольно значительное число и другихъ выдающихся личностей, для того, чтобы еще лучше обосновать изложенные мною выводы и вытекающія изъ нихъ слѣдствія, а также ввести въ нихъ необходимыя поправки. И я намѣренъ выпустить подъ такимъ же заглавіемъ второй томъ, когда новый матеріалъ, къ собиранію котораго я уже приступилъ, покажется достаточнымъ по объему и по интересу.

Gross-Bothen, начало весны 1809.

Вильгельмъ Оствальдъ.

Ко второму нѣмецкому изданію.

Первое изданіе этого труда встрѣтило такой дружественный пріемъ, что не только еще до истеченія года, распроданы всѣ 2000 экземпляровъ, но и готовятся уже переводы его на иностранные языки. Не было также недостатка въ разнообразныхъ отзывахъ о книгѣ въ самыхъ различныхъ органахъ печати, отзывахъ, покрывающихъ всю шкалу отъ теплаго сочувствія до дикихъ нападокъ.

Эти отзывы (поскольку они мнѣ были доступны) я, естественно, читалъ съ интересомъ, но заимствовать изъ нихъ для интересующаго меня вопроса пришлось немного. Самое важное для меня было то, что одинъ молодой коллега по специальности, принявшій мое дѣленіе на классиковъ и романтиковъ, примѣнилъ эту схему къ личностямъ изъ исторіи химіи, описаннымъ Рамзаемъ въ его извѣстныхъ опытахъ, и пришелъ при этомъ къ такому же распредѣленію этихъ личностей, какое я, съ своей стороны, считалъ правильнымъ, ничего объ этомъ не опубликовавъ. Это доказываетъ, что мое дѣленіе имѣетъ объективную цѣнность, и критика, которой оно подверглось, покоится на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ.

Поэтому, у меня не было никакого повода внести въ содержаніе настоящаго труда болѣе или менѣе значительныя измѣненія, тѣмъ болѣе, что во второмъ задуманномъ мною томѣ я буду имѣть случай трактовать нѣкоторые отдѣльные вопросы съ большей обстоятельностью и опредѣленностью. Въ настоящемъ изданіи исправлены нѣкоторыя опечатки и описки, частью указанные мнѣ внимательными читателями, которымъ я здѣсь выражаю свою благодарность. Самое лучшее, чего я желалъ бы для новаго изданія, это то, чтобы содержаніе книги не только читалось, но и подало поводъ къ практическимъ реформамъ.

Gross-Bothen, январь 1910.

Вильгельмъ Оствальдъ.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ.

Вступленіе.

Когда я былъ профессоромъ, одинъ японецъ, мой ученикъ, обратился ко мнѣ, по предложенію японскаго вѣдомства просвѣщенія, съ вопросомъ, какимъ образомъ заблаговременно распознавать будущихъ выдающихся людей. На мой нѣсколько удивленный вопросъ, къ чему это знать, мнѣ было объяснено, что рѣчь идетъ о дѣлѣ, представляющемъ громадное практическое значеніе. Японскимъ правительствомъ ассигнованы были значительныя суммы съ цѣлью выделять и давать возможность развиваться тѣмъ представителямъ подрастающаго японскаго поколѣнія, главнымъ образомъ изъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, отъ которыхъ можно было бы ожидать въ будущемъ значительныхъ успѣховъ, а слѣдовательно, и соответствующей пользы для родины. Поэтому, важно было установить тѣ основные принципы, которыми слѣдовало бы руководствоваться при расходованіи этихъ суммъ,—такимъ образомъ возникла вышеупомянутая проблема. Такъ какъ черенъ мой руки прошло не мало молодыхъ людей, ставшихъ впоследствии выдающимися учеными, то возникло предположеніе, имѣтъ ли у меня какого-нибудь средства рано распознавать такихъ людей, чтобы уделять имъ особое вниманіе и содѣйствовать ихъ развитію.

Прежде всего я долженъ былъ признать, что о сознательномъ примѣненіи мною какого-нибудь принципа не можетъ быть и рѣчи. Но этотъ вопросъ побудилъ меня подумать о томъ, легко ли было или трудно, въ началѣ семестра выделить изъ неразличимой массы практикантовъ (у меня очень плохая память на лица) тѣхъ, отъ кого я ожидалъ выдающихся успѣховъ, и я скоро пришелъ къ заключенію, что въ этомъ отношеніи никакія затрудненія

для меня не возникали. Въ самомъ дѣлѣ, я вспоминаю только одинъ случай, когда дѣйствительные успѣхи оказались выше, чѣмъ я предполагалъ, и при томъ случай этотъ является исключительнымъ по своей сложности, въ силу своеобразныхъ особенностей того лица, о которомъ идетъ рѣчь. Въ двухъ или трехъ случаяхъ я переоцѣнилъ способность людей, но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ моя первоначальная оцѣнка оказывалась вѣрной, не нуждаясь впоследствии въ поправкахъ и не готовя мнѣ ничего неожиданнаго.

Человѣкъ, всю жизнь свою проведенный въ изученіи законовъ природы, разъ осознавши такое закономерное явленіе, не можетъ не проникнуться убѣжденіемъ, что оно представляетъ для него предметъ многообщающаго изслѣдованія. Ибо тотъ фактъ, что я бессознательно такъ легко находилъ правильную оцѣнку, говорить не о сверхъестественномъ внушеніи; онъ доказываетъ наличие простыхъ и всеобщихъ соотношеній въ объектѣ, соотношеній, самопроизвольно открывавшихся мнѣ въ своей закономерности, хотя я сознательно этой закономерности не искалъ. Я не могъ поэтому не придти къ заключенію, что выдающіяся личности, по меньшей мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ научныхъ талантахъ, должны обладать ясно выраженными общими чертами, несмотря на неоскоримыя различія (ибо такіа личности, по существу своему, оригиналы и, въ силу этого, надѣлены рѣзкими индивидуальными особенностями). Общія черты столь ясно выражены, что сами бросаются въ глаза. Такимъ образомъ, задача состояла только въ томъ, чтобы поднять изъ области бессознательнаго въ область сознательнаго нетронутый кладъ личнаго опыта, не производя въ немъ никакихъ расстройствъ и разрушеній, не принималъ случайное за существенное и существенное за случайное. Это было то же, что актъ художественнаго творчества, который такъ же подготавливается, вѣдь, за порогомъ сознанія, достигаетъ тамъ значительной степени зрѣлости и затѣмъ только долженъ пройти черезъ трудный, сопряженный съ опасностью для жизни, процессъ появленія въ свѣтъ.

Къ счастью, подобный актъ научнаго творчества не долженъ родиться непременно сразу; большей частью, наоборотъ, рождается тѣмъ болѣе здоровымъ и жизнеспособнымъ, чѣмъ ленивѣе онъ вынашивался. И я прежде всего обратилъ свое вниманіе только на тотъ конкретный вопросъ, который былъ обращенъ ко мнѣ, вопросъ менѣе общій, но и болѣе точный: рѣчь